

МРНТИ
03.20;
04.71.21

МОЛОДЕЖЬ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ В КАЗАХСТАНЕ: ОТ ФРАГМЕНТАЦИИ НАРРАТИВОВ К ФОРМИРОВАНИЮ ОБЩИХ СМЫСЛОВ

Айман Жусупова^{1*}

Жаксылык Сабитов²

Жаслан Нурбаев³

^{1*} Ассоциированный профессор Университета Нархоз, кандидат политических наук; Алматы, Казахстан, e-mail: aiman.zhussupova@narhoz.kz

² Директор РГП на ПХВ «Научный институт изучения Улуса Джучи» КН МНВО РК, PhD; Астана, Казахстан, e-mail: zh.sabitov@gmail.com

^{3*} Главный эксперт КИСИ при Президенте РК, кандидат исторических наук, ассоциированный профессор; Астана, Казахстан, e-mail: nurbayev_zh@kisi.kz

<https://doi.org/10.52536/2415-8216.2025.113.4.001>

Аннотация. Статья посвящена анализу формирования исторической памяти молодежи Казахстана в условиях конкуренции официальных, академических и альтернативных нарративов. Эмпирическая база включает массовый социологический опрос молодежи (январь-февраль 2024 г., N = 1970), обеспечивший репрезентативность по полу, возрасту, языковой принадлежности и уровню образования. Результаты выявили три вызова: разрыв между высоким интересом к прошлому и поверхностностью освоения знаний; символическую фрагментацию по языковым, региональным и этнокультурным линиям; а также различия в удовлетворенности официальным нарративом, наиболее заметные в региональном разрезе. Научная новизна заключается в акценте на «повороте к участию» (participatory turn) и диалоговой модели памяти, где молодежь выступает субъектом исторического диалога. Такой подход предлагается как ответ на выявленные вызовы и позволяет интегрировать макроуровень (образование и институциональные рамки) и микроуровень (цифровые форматы и локальные инициативы), снижая риски фрагментации. Практическая значимость работы связана с обоснованием перехода к диалоговой политике памяти, открывающей новые возможности для публичной истории и вовлечения цифрового поколения.

Ключевые слова: историческая память, молодежь, нарративы, идентичность, цифровые форматы, политика памяти, доверие к источникам.

ҚАЗАҚСТАНДАҒЫ ЖАСТАР ЖӘНЕ ТАРИХИ ЖАДЫ: НАРРАТИВТЕРДІҢ ФРАГМЕНТАЦИЯСЫНАН ОРТАҚ МАҒЫНАЛАРДЫҢ ҚАЛЫПТАСУЫНА ДЕЙІН

Айман Жүсіпова^{1*}, Жақсылық Сабитов², Жаслан Нұрбаев³

^{1*}Нархоз университетінің қауымдастырылған профессоры, саясаттану ғылымдарының кандидаты; Алматы, Қазақстан, e-mail: aiman.zhussupova@narхоз.kz

²ҚР ҒЖБМ ҒК "Жошы Ұлысын зерттеу ғылыми институты" ШЖҚ РМК директоры, PhD; Астана, Қазақстан, e-mail: zh.sabitov@gmail.com

³ҚР Президенті жанындағы Қазақстанның стратегиялық зерттеулер институтының бас сарапшысы, тарих ғылымдарының кандидаты, қауымдастырылған профессор; Астана, Қазақстан, e-mail: nurbayev_zh@kisi.kz

Аңдатпа. Мақала Қазақстан жастарының тарихи жадын қалыптастыруды ресми, академиялық және балама нарративтердің бәсекелестігі жағдайында талдауға арналған. Эмпирикалық негізді 2024 жылдың қаңтар–ақпан айларында жүргізілген (N = 1970) жаппай социологиялық сауалнама құрайды, ол жынысына, жасына, тіліне және білім деңгейіне қарай репрезентативті болды. Зерттеу нәтижелері үш негізгі сын-кәтерді көрсетті: өткенге жоғары қызығушылық пен білімді үстірт меңгеру арасындағы алшақтық; тілдік, өңірлік және этномәдени желілер бойынша символикалық фрагментация; ресми нарративке қанағаттану деңгейіндегі айырмашылықтар. Ғылыми жаңалығы – жастарды тарихи диалогтың субъектісі ретінде қарастыратын «қатысуға бетбұрыс» (participatory turn) пен диалогтық жад моделіне баса назар аудару. Бұл тәсіл анықталған қиындықтарға жауап ретінде ұсынылады және макродеңгейді (білім беру және институционалдық шеңберлер) және микродеңгейді (сандық форматтар және жергілікті бастамалар) біріктіруге мүмкіндік береді, бұл фрагментация қаупін азайтады. Зерттеудің практикалық маңыздылығы - қоғамдық тарих пен цифрлық буынды тартуға мүмкіндік беретін диалогтық жад саясатына көшу қажеттігін негіздеу.

Түйін сөздер: тарихи жад, жастар, нарративтер, бірегейлік, цифрлық форматтар, жад саясаты, дереккөздерге сенім.

YOUTH AND HISTORICAL MEMORY IN KAZAKHSTAN: FROM FRAGMENTED NARRATIVES TO THE FORMATION OF SHARED MEANINGS

Aiman Zhussupova^{1*}, Zhaxylyk Sabitov², Zhaslan Nurbayev³

^{1*}Associate Professor of Narхоз University, Candidate of Political Sciences, Almaty, Kazakhstan, e-mail: aiman.zhussupova@narхоз.kz

²Director of Scientific Institute for the Study of the Ulus of Jochi, Committee of Science of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan, PhD, Astana, Kazakhstan, e-mail: zh.sabitov@gmail.com

³Chief Expert of Kazakhstan Institute for Strategic Studies under the President of the Republic of Kazakhstan, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Astana, Kazakhstan, e-mail: nurbayev_zh@kisi.kz

Abstract. The article analyzes the formation of historical memory among the youth of Kazakhstan under the conditions of competing official, academic, and alternative narratives. The empirical basis is a large-scale sociological survey of young people (January-February 2024, N=1970), ensuring representativeness by gender, age, language, and education level. The results revealed three main challenges: the gap between high interest in the past and the superficial acquisition of knowledge; symbolic fragmentation along linguistic, regional, and ethnocultural lines; and differences in satisfaction with the official narrative, most evident at the regional level. The scientific novelty lies in emphasizing the «participatory turn» and the dialogical model of memory, where youth act as subjects of historical dialogue. This approach is proposed as a response to the identified challenges and allows for the integration of the macro-level (education and institutional frameworks) and the micro-level (digital formats and local initiatives), reducing the risks of fragmentation. The practical significance of the study is related to the justification of a transition to a dialogical memory policy, which opens new opportunities for public history and the engagement of the digital generation.

Keywords: *historical memory, youth, narratives, identity, digital formats, memory policy, trust in sources.*

Введение

Историческая память - один из ключевых факторов идентичности и социального единства, особенно в молодежной среде, где формируются мировоззрение и ценностные ориентиры. Для Казахстана эта тема приобретает особую актуальность в условиях конкуренции между официальными, академическими и альтернативными (локальными, медийными, инициативными) нарративами. Восприятие прошлого современной молодежи складывается на пересечении формального образования, цифровой медиасреды и персональных источников (семейные рассказы, устные предания, локальные дискуссии).

Данные проведенного исследования фиксируют высокий интерес молодежи к национальной (80%) и региональной (75%) истории, однако этот интерес часто реализуется через краткие и визуально насыщенные цифровые форматы, которые нередко содержат упрощенные или непроверенные сведения. При этом около 40% респондентов выражают неудовлетворенность содержанием и подачей официального нарратива, а значительные региональные и этнокультурные различия в исторических предпочтениях усиливают символическую фрагментацию. Казахоязычные респонденты чаще обращаются к древней и средневековой истории, русскоязычные - к советскому и имперскому периодам, билингвы демонстрируют смешанную картину.

В системе публичной истории остаются слабые звенья: низкое присутствие новейшей истории в образовательных и медийных форматах, перекося в сторону героико-политических сюжетов, ограниченная представленность профессиональных историков в популярных медиа, отсутствие применения подхода сторителлинга и в целом фрагментированный подход к изложению истории в школьной программе. В совокупности это создает риск закрепления изолированных информационных «ниш» и формирования разрозненных версий прошлого.

Таким образом, актуальность настоящего исследования определяется не только недостаточной изученностью темы в контексте отечественных реалий, но и более широкой глобальной повесткой: сохранение исторической памяти

молодежи сегодня рассматривается как стратегический ресурс развития общества. В этом контексте обращение к казахстанскому материалу позволяет также и внести вклад в международную дискуссию о путях формирования целостной и устойчивой модели исторической памяти. В связи с этим в исследовании ставятся следующие вопросы:

Как молодежь Казахстана воспринимает национальное и региональное прошлое, и какие источники исторической информации для нее значимы?

Насколько целостной и устойчивой является историческая память молодежи в условиях конкуренции официальных, академических и альтернативных нарративов?

Какие факторы усиливают фрагментацию и какие ресурсы могут способствовать консолидации исторической памяти?

При этом гипотеза, от которой мы отталкиваемся, звучит следующим образом: при высоком уровне интереса к прошлому, но ограниченной глубине его изучения, обусловленной доминированием клиповых форматов, отсутствием цельного и вовлекающего повествования (сторителлинга) в школьной программе, а также слабой представленностью экспертов в популярных медиа, историческая память молодежи Казахстана формируется фрагментарно. Это снижает ее сопротивляемость манипулятивным интерпретациям и затрудняет выработку общих исторических ориентиров. Вместе с тем укрепление памяти возможно через вовлечение самой молодежи в публичные дискуссии и практики осмысления прошлого. Такой подход позволяет учитывать особенности восприятия молодого поколения и формировать более диалоговую модель исторической памяти, менее уязвимую к манипуляциям.

Работа предлагает комплексный взгляд на состояние исторической памяти молодежи Казахстана и позволяет обосновать подходы к более целостной и диалоговой политике памяти, способной объединить различные группы молодежи и адаптироваться к условиям цифрового поколения.

Обзор литературы. Исследования по теме исторической памяти в Казахстане в целом немногочисленны и разрозненны, особенно если речь идет о восприятии прошлого молодежью. Чаще всего авторы рассматривают проблему в широком постсоветском контексте - ревизии советского наследия и недоверия к официальным учебникам истории (Султангазы, Мукатаева, 2020) [1]. Важный блок литературы касается образовательных практик: отмечается, что историческое образование сегодня переживает кризис, связанный с устаревшими подходами и падением интереса к гуманитарным дисциплинам. В этой связи актуальным становится поиск новых форм преподавания, ориентированных на вовлечение учащихся - от когнитивистских методов до использования мультимедийных и игровых форматов (Тулеуова, Зуева, 2019) [2].

Заметное внимание уделяется и связи исторической памяти с формированием национальной идентичности и патриотического воспитания молодежи. В этих работах память трактуется как важнейший ресурс консолидации, позволяющий молодежи соотносить личный опыт с общенациональной историей (Кожирова, Нечаева; Зуева, Муратова; Карманова и др.) [3] [4] [5].

Важным направлением является анализ понятий «историческая память» и «политика памяти» в казахстанской и зарубежной историографии, где подчеркивается роль «мемориального бума» и критического пересмотра ключевых нарративов постсоветских обществ (Нурбаев, Киюбек, 2022) [6].

Наряду с этим в исследованиях отмечается необходимость учитывать этнокультурное и языковое многообразие молодежной аудитории: например, Matthew (2019) [7], опираясь на полуструктурированные интервью с русскоязычными молодыми людьми в Алматы и Караганде, показывает амбивалентность их отношения к государственному нарративам и влияние советского наследия на восприятие прошлого. В то же время Laguelle (2016) [8], анализируя поле казахского национализма и «национально-патриотические» дискурсы, подчеркивает активность прежде всего молодых интеллектуалов и активистов в социальных сетях, а не всей молодежной аудитории.

Другие исследования фокусируются на более широком социально-философском измерении: отмечается, что медиа становятся главным фактором трансформации сознания молодежи, а высокий уровень доверия к ним усиливает как риски деформации, так и потенциалы позитивной социализации. В связи с этим авторы настаивают на необходимости разработки программ информационно-психологической безопасности в рамках молодежной политики (Зейнеш, Досмагамбетова, Аймбетова, 2023) [9].

Историко-социологические исследования показывают, что знание национальной истории у молодежи ниже, чем у старших поколений, а ориентация на поверхностные цифровые источники снижает глубину восприятия и закрепляет символическую фрагментацию (Lapin, Tomanova, 2016) [10].

Отдельный блок литературы касается «политики памяти» и культурной индустрии, где акцент делается на использовании медийных и региональных практик для сохранения и актуализации наследия (Коровникова, 2019; Желдыбаева, 2019) [11],[12].

При этом именно молодежный аспект остается маргинализированным: в большинстве работ он упоминается лишь как часть воспитательных программ или образовательных дискуссий, но специализированных исследований, рассматривающих молодежь как самостоятельного актора памяти, фактически нет.

В международных исследованиях подчеркивается, что знание национальной истории является базовым условием гражданской социализации молодежи. В разных странах, в том числе в США, Канаде, странах Европы в последние десятилетия активно обсуждается падение исторических знаний у школьников, что воспринимается как угроза национальной идентичности и будущему развитию (Clark, 2009; Huijgen et al., 2017; Biesta, 2010) [13], [14], [15]. Эти выводы во многом резонируют с казахстанской ситуацией, где, по результатам опросов, высокий интерес молодежи к прошлому сочетается с недоверием к официальным нарративам и доминированием поверхностных цифровых форматов, усиливающих фрагментацию памяти.

Таким образом, актуальность настоящего исследования определяется не только ограниченностью работ по рассматриваемой теме в Казахстане, но и более широкой глобальной повесткой, то есть направлена и на то, чтобы внести вклад в международную дискуссию о путях формирования целостной и устойчивой модели исторической памяти молодежи.

Методы исследования: массовый опрос молодежи (N =1970, ноябрь–декабрь 2023 г.) во всех регионах страны, обеспечивший статистическую репрезентативность по полу, возрасту, языковой принадлежности и уровню образования. Он позволил выделить ключевые содержательные ядра исторической

памяти, определить основные источники получения информации, зафиксировать региональные и этнокультурные различия, а также выявить точки расхождения между личными и публичными нарративами.

Результаты исследования

Теоретические аспекты значимости исторической памяти в контексте молодежи

Историческая память является одним из ключевых условий формирования национальной идентичности и социальной сплоченности. Она обеспечивает преемственность поколений, задает ценностные ориентиры и формирует у человека чувство сопричастности к общности. Для молодежи ее значение особенно велико, поскольку именно в этот период закладываются основы мировоззрения, гражданской позиции и базовых представлений о прошлом, которые в дальнейшем влияют на восприятие настоящего и стратегию будущего. Недостаток системной работы с исторической памятью делает молодое поколение уязвимым к фрагментарным или искаженным нарративам, что ведет к ослаблению общественной целостности.

Для молодежи память о прошлом имеет не только познавательное, но и эмоциональное измерение. Знания должны быть не просто усвоены, а пережиты как часть личной идентичности. Без эмоциональной вовлеченности память становится поверхностной и неустойчивой, ее легко заменить упрощенными интерпретациями или яркими, но малодостоверными медийными образами. Поэтому задача государства и общества состоит не только в передаче фактов, но и в создании условий для формирования осмысленного и критического отношения к истории.

Формирование исторической памяти осуществляется в системе, где действуют разные агенты: семья, образовательные учреждения, медиа. Семья знакомит со «своей» историей через рассказы и личные архивы, школа и университеты призваны обеспечивать систематизированные знания и формировать навыки критического анализа источников, тогда как медиа и цифровые платформы часто предлагают эмоционально насыщенные, но упрощенные интерпретации. Эту картину дополняют музеи, культурные центры, кино и форматы public history, которые соединяют академическое знание с массовым восприятием. При этом молодежь все чаще выступает не только как получатель, но и как соавтор исторической памяти.

В исследовательской традиции выделяют четыре стадии воспроизводства памяти: определение содержания (отбор ключевых событий, фигур, учебных программ), сохранение (архивы, музеи, репозитории, семейные коллекции), воспроизводство (актуализация прошлого в медиа, проектах, культурных практиках) и трансляция (распространение через памятные даты, ритуалы, СМИ). Ослабление хотя бы одного из этих звеньев снижает устойчивость исторической памяти у молодежи [16].

Современные условия усложняют задачу - цифровизация и кратный рост влияния медиа изменили способы взаимодействия с прошлым: молодые люди чаще всего сталкиваются с историей через короткие и визуально привлекательные форматы соцсетей, где убедительность эмоций нередко заменяет достоверность фактов. С одной стороны, это облегчает доступ к информации, с другой – снижает глубину восприятия и создает риск закрепления поверхностных или

манипулятивных версий прошлого. То есть, без согласованной образовательной и культурной политики возрастает вероятность фрагментации исторического сознания и появления параллельных нарративов, которые могут вступать в противоречие друг с другом [17].

Исследователи также подчеркивают многослойность памяти. Историческая культура описывает формы присутствия прошлого в повседневности и правила обращения с ним; культурная память фиксирует институциональные механизмы сохранения (школы, архивы, музеи, памятники); мемориальная культура концентрируется на ритуалах, памятных датах и местах памяти. У молодежи эти уровни часто разорваны, что приводит к несоответствию между личным опытом и официальными нарративами [18].

Особая уязвимость молодежи связана с поиском идентичности и высокой чувствительностью к символическим ресурсам. В результате историческая память становится ареной конкуренции официальных, академических и альтернативных интерпретаций. Когда институциональные механизмы не способны предложить целостный и привлекательный нарратив, снижается доверие к государственным источникам и возрастает открытость к внешним или маргинальным влияниям.

Именно поэтому в мировой практике историческая память рассматривается как стратегический ресурс, тесно связанный с безопасностью и устойчивостью общества. Включение молодежи в осмысленное освоение прошлого считается необходимым условием формирования гражданской ответственности, политической культуры и национального единства [19]. Однако возникает дилемма: с одной стороны, историческая политика должна транслировать ценности, с другой - оставлять пространство для критического осмысления. Если второе условие не выполняется, память превращается в формальную практику, не вовлекающую молодежь.

Кроме того, процесс освоения исторического опыта всегда не линейен: когнитивные, связанные с усвоением знаний, элементы неизбежно сочетаются с эмоциональными. Эмоции закрепляют значимость событий, определяя, что будет сохранено, а что забыто. Наиболее эффективно это достигается в практиках, связывающих «большую» историю с личным опытом: проблемных дискуссиях, мультимедийных проектах, квестах, семейных историях.

Таким образом, значение исторической памяти для молодежи состоит не только в сохранении знаний о прошлом, но и в обеспечении социальной интеграции, устойчивости идентичности и способности общества противостоять вызовам. Современные риски: цифровая фрагментация, конкуренция нарративов, снижение доверия к институтам, разрыв между официальными и личными уровнями памяти делают задачу особенно актуальной. От эффективности работы с памятью в молодежной среде зависит качество исторической культуры и социальная согласованность общества. Именно эти факторы определяют рамку для анализа казахстанской действительности, где подобные вызовы проявляются особенно отчетливо.

Проблемные аспекты формирования исторической памяти молодежи Казахстана

Анализ теоретических подходов показал, что историческая память современной молодежи формируется в многоуровневой системе, где взаимодейству-

ют различные каналы передачи знаний о прошлом. Ее устойчивость зависит от согласованности этих каналов, наличия цельных нарративов и сбалансированного сочетания когнитивного и эмоционального компонентов.

Результаты исследования, проведенного в Казахстане, также демонстрирует, что несмотря на высокий декларируемый интерес к прошлому, структура исторической памяти молодежи остается фрагментированной. Национальная история вызывает интерес у 80% респондентов, история своего региона - у 75%, однако обращение к научной литературе (18%) и мемуарам (13%) остается низким, а участие в лекциях и дискуссиях не превышает 20%. Это свидетельствует о том, что значительная часть интереса концентрируется в поверхностных, клиповых форматах, ограничивая глубину усвоения знаний и устойчивость исторических представлений.

По данным исследования, ключевым каналом получения исторических сведений выступают цифровые форматы - интернет-платформы, социальные сети, короткие мультимедийные материалы. Эта среда обеспечивает быстрый доступ к информации, но закрепляет тенденцию к клиповому, фрагментарному восприятию, усиливает зависимость от алгоритмической фильтрации контента и повышает уязвимость к фейкам и манипулятивным интерпретациям. В долгосрочной перспективе это формирует поколенческую привычку к поверхностному восприятию исторического материала, ослабляя навыки критической проверки информации.

Особенно востребованы краткие видеоформаты и визуально насыщенные материалы, что повышает эмоциональную вовлеченность, но сокращает глубину анализа. Существенную роль продолжают играть семейные рассказы и устные предания, формирующие локальные интерпретации событий, однако они часто не интегрированы в общенациональный контекст. Это усиливает риск того, что разные группы молодежи будут воспринимать одни и те же события по-разному или вовсе не будут о них знать, закрепляя существование «информационных ниш».

Школьные курсы истории, оставаясь одним из немногих систематизированных источников знаний, ограничены фрагментарной структурой программ, слабой нарративной связностью и недостаточным включением новейшей истории. В результате современные события остаются малознакомыми или вызывают равнодушие, что подрывает связь молодежи с актуальным прошлым. В свою очередь отсутствие актуализированных сюжетов снижает потенциал истории как ресурса для формирования гражданской вовлеченности и осознанного участия в общественной жизни.

Тематическая структура интереса молодежи демонстрирует перекос в сторону героико-политического нарратива: 35% интересуются становлением казахской государственности, 31% - военной историей, в то время как темы науки, культуры и международной политики остаются на периферии внимания. Это сужает историческую оптику, ограничивая понимание сложных социально-экономических и гуманитарных процессов. В результате молодежь формирует упрощенную картину прошлого, где события и достижения, выходящие за рамки героико-политической линии, воспринимаются фрагментарно или маргинализируются.

Наблюдается значимый разрыв между доверием к источникам и реальным потреблением контента. Наибольшее доверие молодежь выражает профессио-

нальным историкам (37%), за которыми следуют семья, учителя и медиа, однако низкое присутствие экспертов в популярных цифровых форматах резко ограничивает их влияние. Таким образом, высокий запрос на экспертную информацию не реализуется в полной мере в цифровой среде, что оставляет пространство для непроверенных и мифологизированных версий.

Около 40% опрошенных неудовлетворены содержанием и подачей истории, при этом почти 44% не смогли назвать героев казахстанской истории, а почти 50% - предпочитаемую эпоху. Эти показатели свидетельствуют о кризисе исторической субъектности, при котором отсутствуют устойчивые символы и фигуры, способные объединять разные группы молодежи.

Также эти цифры могут говорить о слабой эффективности школьных учебников по истории Казахстана как инструмента формирования единого канона исторического сознания у школьников Казахстана. Тут возможны два объяснения: а) низкое качество школьных учебников по истории Казахстана, учебники зачастую отстают от современных исследований и не интегрируют новые открытия; б) доминирование патриотического дискурса часто заменяет анализ и проблемное мышление, что мешает школьникам формировать личную позицию и понимание исторической сложности. Нередко содержание учебников акцентирует внимание лишь на официальном национальном нарративе, игнорируя региональные особенности, многоэтничность и спорные страницы прошлого; в) слабое взаимодействие с такими дисциплинами, как литература, география, обществознание, не позволяет выстраивать целостную картину прошлого. Более того, история Казахстана редко связывается с глобальными процессами, что лишает учащихся способности видеть страну как часть мировой истории.

Региональные и языковые различия усиливают эффект фрагментации. Казахоязычные респонденты чаще выбирают древнюю (26%) и средневековую (17%) историю, акцентируя этногенез и традиции; русскоязычные - советский (26%) и имперский (21%) периоды, связанные с индустриализацией, Великой Отечественной войной и модернизационными реформами; билингвы демонстрируют смешанную и амбивалентную модель. При этом казахоязычные чаще уверены в наличии достоверных источников (67%), а русскоязычные чаще отмечают сомнительность информации (55%). Можно предположить, что расхождение в исторических предпочтениях и уровне доверия к информации закрепляет культурно-языковые линии разделения и формирует параллельные версии прошлого.

Также такое расхождение может говорить о слабой функциональности школьных учебников по истории Казахстана, которые по идее должны были формировать единое этнокультурное понимание истории Казахстана у всех школьников Казахстана вне зависимости от языка обучения. На деле мы видим, что казахоязычная и русскоязычная молодежь имеет разные варианты исторической памяти, которые иногда противоречат друг другу. Параллельное существование разных «канонов национальной истории» у представителей разных поколений вполне объяснимо возрастными и поколенческими отличиями, но когда у представителей одного поколения существует два разных понимания национальной истории, это показатель низкой эффективности института формирования единого канона национальной истории у школьников Казахстана.

В ряде регионов - Кызылорде, Актобе, Кокшетау зафиксированы наиболее

высокие показатели неудовлетворенности школьными курсами, напротив, данные по СКО демонстрируют наиболее высокий уровень одобрения. Это указывает на региональную фрагментацию восприятия и недостаток единой образовательной политики, учитывающей локальные контексты.

Разница в выборе источников ярко проявляется и по этнокультурным линиям: казахская молодежь чаще ориентируется на официальные и образовательные форматы (школьные учебники, лекции, госресурсы - 20%), русская - на художественную литературу (20%), семейные архивы (29%) и Википедию, представители других этносов - на рассказы старших (58%), профессиональных историков (31%) и научно-популярные передачи (45%). Такое разнообразие каналов формирует несогласованные интерпретации событий, что затрудняет формирование общей рамки исторической памяти.

Здесь также стоит отметить еще одно потенциальное объяснение таких различий при потреблении информации.

История Казахстана нередко воспринимается как преимущественно история этнических казахов, вследствие чего у части представителей других национальностей может не формироваться чувство сопричастности к общему историческому нарративу. То есть институционализированная система исторической инклюзии пока остается недостаточно развитой. В ряде случаев такой подход создает ощущение ограниченной представленности других этнических групп в историческом повествовании, что снижает их идентификацию с коллективной историей страны. В результате история Казахстана может восприниматься не как общий гражданский нарратив, а как этноцентричная интерпретация, что затрудняет формирование единого исторического поля.

Отдельно стоит выделить расхождение между личными и общественными источниками. Для личного пользования молодежь чаще выбирает эмоционально достоверные, но не всегда проверенные форматы - рассказы старших, семейные архивы, тогда как «значимыми для большинства» называет институциональные каналы - музеи, историков, научно-популярные передачи. Эта двойная структура доверия усиливает разрыв между личным опытом и публичным нарративом, снижая устойчивость к искажениям.

Глубокие форматы исторического потребления остаются ограниченными по охвату: научную литературу читают лишь 18%, к мемуарам обращаются 13%, участие в круглых столах, лекциях и общественных дискуссиях составляет менее 20%. Это означает, что высокий интерес к истории не конвертируется в углубленное изучение, ограничивая развитие критического мышления и исторической рефлексии. В результате формируется ситуация, при которой молодежь, обладая базовым интересом к прошлому, остается в пределах поверхностных знаний и упрощенных интерпретаций.

Критика официального нарратива носит значимый характер: 50% считают, что в подаче больше мифов, чем фактов; 46% - что история подается предвзято; 48% - что сложно отличить правду от вымысла. Это отражает не только недоверие к государственным источникам, но и дефицит навыков проверки информации, что повышает восприимчивость к мифологизированным версиям. Без целенаправленного развития навыков медиаграмотности и критического мышления эта ситуация будет усугубляться.

Отсутствие согласованных трактовок по ключевым фигурам и событиям также повышает риск политизации истории. Например, по фигуре Чингисхана мнения разделены почти поровну, а треть затруднилась с оценкой; индустриа-

лизация СССР воспринимается как авантюра с жертвами (35%) или важнейшее достижение (25%). Разнобой в оценках ключевых исторических процессов создает почву для политических и идеологических манипуляций.

В странах, где давно закреплены практики формирования «единого канона национальной истории», обычно отсутствует значительная вариативность в восприятии ключевых периодов и фигур: общество ориентируется на доминирующую, институционально закреплённую интерпретацию прошлого. В Казахстане же в первые десятилетия независимости историческая политика не приобрела устойчивого и системного характера. В результате национальный канон сформировался в суженном виде: символическое пространство было сконцентрировано вокруг одной доминирующей фигуры, что не позволило включить в него более широкий спектр исторических персоналий и событий.

Сегодня в Казахстане формируется более целостный и многослойный национальный исторический канон. Публикация новой академической истории, вероятно, станет ключевым этапом, который позволит пересмотреть интерпретации отдельных личностей и событий и сформировать более системный и глубокий взгляд на прошлое.

В совокупности эти факторы формируют разнонаправленные версии исторической памяти, закреплённые в отдельных «информационных нишах», и усиливают риск символической фрагментации. При этом отсутствие интеграции между формальными (образование, музеи), неформальными (культурные мероприятия, мемориальные практики) и цифровыми каналами снижает устойчивость исторического сознания к искаженным версиям прошлого. Если системная политика памяти не будет адаптирована к цифровым привычкам и ценностным ориентирам молодежи, разрыв между государственным нарративом и идентичностными практиками молодого поколения будет только углубляться, что может привести к утрате общего исторического поля и росту социальной поляризации.

Обсуждение результатов

Рассмотренные данные показывают наличие трех системных вызовов, определяющих специфику исторической памяти молодежи Казахстана.

Во-первых, разрыв между высоким интересом к прошлому и поверхностным освоением исторических знаний: молодые люди активно обращаются к историческому контенту, но преимущественно через клиповые форматы, что ограничивает целостное восприятие и делает память уязвимой к манипуляциям.

Во-вторых, фрагментация памяти, проявляющаяся в различиях в оценках исторических личностей, событий и источников, особенно в языковом разрезе.

В-третьих, разрыв в уровне удовлетворенности официальным нарративом, который наиболее четко фиксируется в региональном измерении.

Ответы на эти вызовы должны носить системный характер и быть выстроены на двух уровнях - макро- и микроуровне в контексте политики, связанной с исторической памятью молодежи.

Макроуровень: политика и институциональные рамки

Ключевая задача состоит в переходе от разрозненных акций к системному управлению циклом воспроизводства памяти – от определения содержания до трансляции и сохранения. Для этого необходимы управленческие рамки и ме-

трики, позволяющие отслеживать, как молодежные группы сохраняют и передают общенациональные смыслы.

Образовательные программы должны выполнять не только функцию передачи готового нарратива, но и создавать пространство для исследовательской и критической работы с прошлым. Это означает интеграцию историковедческого подхода в учебный процесс, включение проектов public history, учет локальной памяти в национальном контексте.

Особое значение приобретает связка «знание ↔ ценности ↔ гражданская позиция», предполагающая уход от героико–политического перекося и включение новейшей истории и сложных тем. Здесь важно сочетать эмоциональное вовлечение с аналитическим осмыслением, поскольку именно эмоциональная насыщенность укрепляет устойчивость нарратива.

Цифровая среда в этом контексте выступает одновременно риском и ресурсом. Чтобы снизить эффект алгоритмической фрагментации, необходимо развивать критическую медиаграмотность (фактчек–листы, модули по работе с информацией) и расширять присутствие профессиональных историков в публичных медиа (подкасты, лекции, совместные проекты).

Микроуровень: региональные практики и локальные инициативы

На локальном уровне важно формировать сбалансированную среду воспроизводства памяти, где образовательные учреждения, цифровые платформы, семейные и региональные источники действуют как взаимодополняющие элементы.

Перспективным является подход, при котором молодежь рассматривается не как объект воздействия, а как активный участник, способный создавать и распространять исторические смыслы. Такой подход не только удовлетворяет интерес к прошлому, но и превращает его в глубокое, ценностное освоение. Он особенно соответствует цифровому поколению, которое стремится не просто потреблять, но и со-творить и передавать смыслы. Это требует поддержки молодежных проектов, создания пространства для инициатив, развития офлайн–практик коллективного воспоминания (городские ритуалы, уличные выставки, семейные экспозиции, локальные архивы).

Цифровой сторителлинг становится эффективным инструментом, связывая личные и семейные истории с крупными событиями. Его внедрение в образование и локальные медиа позволяет уменьшить фрагментацию и повысить устойчивость памяти к манипуляциям.

Оптимальной является комбинация инициатив «сверху» и «снизу»: государственные проекты должны сочетаться с инициативами сообществ и семей, например, через оцифровку семейных архивов или создание локальных баз данных.

Не менее важно этическое измерение памяти: способность совмещать чувство гордости с готовностью обсуждать сложные страницы прошлого. Для молодежи ключевым становится формирование «критической лояльности» – умения соединять патриотизм с открытостью к критике, что снижает поляризацию и укрепляет целостность.

Международный опыт

Сравнительный анализ показывает, что казахстанские вызовы не уникальны, и в мировой практике на них отвечают через партисипаторные подходы. Так, европейский проект РОЕМ (Participatory Memory Work) [20] демонстриру-

ет, что цифровые и инклюзивные форматы усиливают вовлечение молодежи и локальных сообществ, придавая памяти социальную значимость [21].

Исследования Chern Li Liew и Ferne Cheetham (2016) [22] показывают, что музеи и архивы, используя цифровое участие, формируют новые практики доверия и расширяют аудиторию.

Nina Simon (2010) [23] развивает концепцию «participatory museum», где посетители выступают соавторами исторического нарратива, что создает институциональные условия для устойчивой идентичности.

Включение подобных практик в казахстанский контекст позволит укрепить историческую память через совместное участие, а не только через трансляцию «сверху».

Заключение

Историческая память играет ключевую роль в формировании национальной идентичности, гражданской ответственности и ценностных ориентиров молодежи. Она выполняет интегративную функцию, объединяя разные социальные группы на основе общего представления о прошлом, и ориентирующую, помогая соотносить личный опыт с историческим контекстом и выстраивать жизненные стратегии. Для молодого поколения это не только средство передачи знаний о прошлом, но и важный ресурс социализации, формирования моральных ориентиров и устойчивости к идеологическим манипуляциям. Укрепление исторической памяти в этой среде способствует не только сохранению культурного наследия, но и развитию способности критически воспринимать информацию и участвовать в общественной жизни на основе осознанных ценностей.

Исследование выявляет структурное противоречие между высоким уровнем интереса и недостаточной глубиной освоения, когда значительная часть взаимодействий с историческим контентом ограничивается краткими и визуально насыщенными цифровыми форматами. Это упрощает восприятие, но снижает глубину усвоения знаний и делает представления о прошлом более уязвимыми к манипулятивным интерпретациям. Кроме того, исследование показывает роль символической фрагментации по языковым, региональным и этнокультурным линиям как одного из факторов ослабления символической целостности исторического нарратива. Особенно заметны расхождения между казахоязычными и русскоязычными респондентами, а также между личными и публичными источниками исторической информации. Вместе эти факторы создают риск закрепления параллельных версий исторического нарратива, ослабления символической целостности и углубления социальной поляризации.

Новизна данного исследования заключается в том, что оно не только фиксирует указанные противоречия, но и предлагает концептуальное решение - переход к диалоговой модели исторической памяти. В отличие от большинства работ, сосредоточенных преимущественно на институциональных механизмах трансляции знания, данное исследование акцентирует необходимость диалога, где молодежь выступает не объектом, а субъектом исторического процесса. Именно этот акцент на диалоговой политике памяти позволяет рассматривать молодежь как ключевого участника формирования целостной и устойчивой исторической идентичности.

Это особенно актуально для Казахстана, поскольку данный подход дает возможность объединить разные голоса, опыт и ценностные ориентации, избежав фрагментации и конкуренции изолированных нарративов.

Речь идет о так называемом повороте к участию (participatory turn), или обеспечении включения молодежи в практики со-творчества, со-интерпретации и совместного осмысления прошлого. Это не только укрепляет доверие к историческому знанию, но и формирует пространство, где молодежь может открыто говорить о значимых для себя темах - от истории своего региона до общенациональных процессов. Такой подход открывает новые возможности для публичной истории, а также позволяет молодежи артикулировать и интегрировать в национальный нарратив историю своего края, поскольку по мнению значимой части из них, она сегодня недостаточно встроена в общую историческую картину.

Особую роль в реализации этого поворота играет сторителлинг как метод формирования единой нарративной линии. Цифровой и устный сторителлинг, основанный на личных и семейных историях, соединяет индивидуальные и коллективные измерения памяти, преодолевая символическую фрагментарность. В образовательной и медийной среде сторителлинг становится не только инструментом вовлечения, но и механизмом консолидации, оживляя восприятие прошлого и делая его ближе к молодежи.

Наряду с этим, большую значимость приобретают мультимедийные и мультязычные форматы цифровой памяти, соединяющие эмоциональное вовлечение с аналитическим осмыслением. Их развитие, в сочетании со сторителлинг, усиливает эффект включенности и формирует общее пространство исторического диалога.

Кроме того, важно сместить акценты в образовательных программах от передачи готового нарратива к формированию навыков критического анализа. В качестве методологической базы здесь может выступить когнитивистский подход, который акцентирует внимание на осмысленном обучении: знание не воспроизводится механически, а активно конструируется в разных контекстах, связанных как со школьным, так и с внеучебным опытом.

Другими факторами, которые позволят сформировать этот поворот в отношении исторической памяти молодежи, являются:

- Внедрение сторителлинг как метода формирования единой нарративной линии. Цифровой и устный сторителлинг, опирающийся на личные и семейные истории, позволяет соединять индивидуальные и коллективные измерения памяти. В образовательной и медийной среде сторителлинг становится ключевым инструментом преодоления фрагментарности, оживляет восприятие прошлого и делает его ближе к молодежи.
- Расширение присутствия профессиональных историков в публичной медиасреде. Совместные проекты экспертов и молодежи (лекции, подкасты, цифровые архивы, видеопроекты) способны удовлетворить запрос на достоверность и снизить доминирование непроверенных источников.
- Создание условий для интеграции локальных инициатив в национальную историческую политику. Поддержка школьно-семейных экспозиций, уличных выставок, оцифровки семейных архивов позволит молодежи напрямую участвовать в сохранении и трансляции памяти, связывая «малую» историю с «большой».

Реализация этих направлений позволит снизить риски деисторизации и поверхностного освоения прошлого, укрепить историческую субъектность молодежи и ее способность к критическому восприятию информации и, в целом, сформировать более устойчивую, многослойную и диалоговую модель исто-

рической памяти, способную противостоять социальным и информационным вызовам XXI века.

Таким образом, укрепление исторической памяти возможно не только через институциональные механизмы, но прежде всего через вовлечение самой молодежи в публичные дискуссии и практики осмысления прошлого. Именно этот подход, в сочетании с инструментальными сторителлинг и цифровыми форматами обеспечивает создание общей нарративной линии, объединяющей разные поколения, регионы и культурные группы. Это делает историческую память менее уязвимой к манипуляциям и более значимой для консолидации общества, открывая перспективу построения целостной и инклюзивной модели национальной идентичности.

Статья подготовлена в рамках программно-целевого финансирования и источника финансирования (Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан). ИРН BR21882266 «Исследование исторической памяти населения и политики национального строительства в Казахстане за годы Независимости» РГП на ПХВ «Научный институт изучения Улуса Джучи» Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан

Список литературы

1. Султангазы Г.Ж., Мукатаева Л.К. Историческая память в условиях современного Казахстана: поиски героев и смыслов // Edu.e-history.kz: Электрондық ғылыми журналы. – 2020. – № 2(22).
2. Тулеуова Б.Т., Зуева Л.И. Формирование исторического знания молодого поколения Казахстана в контексте зарубежного опыта // Отечественная и зарубежная педагогика. – 2019. – № 6(63).
3. Кожирова С.Б., Нечаева Е.Л. Историческая память: сущность, генезис, роль в контексте формирования национальной идентичности // Адам әлемі. – 2022. – № 3(101). – С. 69-80. – DOI: <https://doi.org/10.48010/aa.v10i113.590>.
4. Зуева Л.И., Муратова М.Б. Военно-патриотическое воспитание молодежи в учебных учреждениях и общественных организациях Республики Казахстан // Журавские чтения – 27: материалы Респ. науч.-практ. конф., посвященной 110-летию газеты «Казах». – Қарағанды: Академия Е.А. Букетова, 2023. – 307 с.
5. Карманова Ж.А., Маженова Р.Б., Шарзадин А.М., Манашова Г.Н., Джабаева Г.Н. Основные принципы формирования патриотизма у молодежи в условиях современного Казахстана // Успехи современного естествознания. – 2015. – № 1, ч. 6. – С. 1022-1025.
6. Нурбаев Ж.У., Киюбек Ж.Ж. Concepts of historical memory and the politics of memory in the context of social and historical-humanitarian studies (historiographic analysis) // Вестник Карагандинского университета. Серия «История. Философия». – 2022. – № 3(107). – С. 152-162.
7. Matthew B. Discourses of Russian-speaking youth in Nazarbayev's Kazakhstan: Soviet Legacies and responses to nation-building // Central Asian Survey. – 2019. – DOI: 10.1080/02634937.2019.1615409.
8. Laruelle M. Which Future for National-Patriots? The Landscape of Kazakh Nationalism. – Lanham: Lexington Books, 2016.
9. Zeinesh M., Dosmagambetova J., Aimbetova U. Revitalization of the national consciousness of youth // Философия, мәдениеттану, саясаттану сериясы. – 2023. – № 1(83). – С. 35-45.
10. Lapin N.S., Tomanova M.S. Historical Consciousness and Perception of National History by Kazakhstan Youth in the 20th Century // Indian Journal of Science and Technology. – 2016. – Vol. 9(48). – DOI: 10.17485/ijst/2016/v9i47/108366.
11. Коровникова Н.А. Политика памяти: аксиологический аспект // Дневник Алтайской школы политических исследований. – 2019. – № 35. – С. 13-17.

- Барнаул: Изд-во Алт. ун-та.
12. Желдыбаева А.Т. Политика памяти и культурный имидж Республики Казахстан // *Дневник Алтайской школы политических исследований*. – 2019. – № 35. – С. 108-111. – Барнаул: Изд-во Алт. Ун-та.
 13. Clark A. *Teaching the Nation: Politics and Pedagogy in Australian History*. – Melbourne: Melbourne University Press, 2009.
 14. Huijgen T., van Boxtel C., van de Grift W., Holthuis P. *Toward Historical Reasoning: Fostering the Understanding of Historical Time in Upper Primary Students* // *Journal of Curriculum Studies*. – 2017. – Vol. 49(3). – P. 381-401.
 15. Biesta G. *Good Education in an Age of Measurement: Ethics, Politics, Democracy*. – Boulder: Paradigm Publishers, 2010.
 16. Кулиш В.В. Молодежь как субъект функционирования исторической памяти // *Общество: социология, психология, педагогика*. – 2023. – № 9. – С. 36-42. – DOI: 10.24158/spp.2023.9.4.
 17. Кулиш В.М., Матвеева Н.А. Социальный механизм функционирования исторической памяти // *Общество: социология, психология, педагогика*. – 2022. – № 10. – С. 16-23. – DOI: 10.24158/spp.2022.10.1.
 18. Сыров В.Н., Беляева Е.В., Буллер А., Линченко А.А., Врублевская–Токер Т.И. *История. Память. Мораль: моральная составляющая исторической рефлексии и коммеморативных практик исторической культуры*. – Томск: Издательский дом Томского государственного университета, 2020. – 344 с.
 19. Мохов В.П. Патриотизм и политика памяти в условиях глобализации // *Техногос*. – 2019. – № 3. – С. 115-128. – DOI: 10.15593/perm.kipf/2019.3.09.
 20. POEM – Participatory Memory Work. European Training Network, Horizon 2020. – URL: <https://www.poem-horizon.eu> (дата обращения: 18.08.2025).
 21. Kersting N. *Popular memories: Commemoration, participatory culture, and democratic citizenship* // *POEM Horizon Project*. – 2021. – URL: <https://www.poem-horizon.eu> (дата обращения: 18.08.2025).
 22. Liew C.L., Cheetham F. *Participatory Culture in Memory Institutions: of Diversity, Ethics and Trust?* // *D-Lib Magazine*. – 2016. – Vol. 22, № 7/8. – DOI: 10.1045/july2016-liew.
 23. Simon N. *The Participatory Museum*. – Santa Cruz: Museum 2.0, 2010. – URL: <https://participatorymuseum.org> (дата обращения: 18.08.2025).

References

1. Sultangazy G.Zh., Mukataeva L.K. (2020). *Istoricheskaja pamjat' v uslovijah sovremennogo Kazahstana: poiski geroev i smyslov* [Historical memory in contemporary Kazakhstan: the search for heroes and meanings]. *Edu.e-history.kz: Jelektronnyy gylymi zhurnaly*. no. 2(22).
2. Tuleuova B.T., Zueva L.I. (2019). *Formirovanie istoricheskogo znanija mladogo pokolenija Kazahstana v kontekste zarubezhnogo opyta* [Formation of historical knowledge of Kazakhstan's young generation in the context of foreign experience]. *Otechestvennaja i zarubezhnaja pedagogika*. no. 6(63).
3. Kozhirova S.B., Nechaeva E.L. (2022). *Istoricheskaja pamjat': sushhnost', genesis, rol' v kontekste formirovanija nacional'noj identichnosti* [Historical memory: essence, genesis and its role in the formation of national identity]. *Adam alemi*. no. 3(101). pp. 69-80. <https://doi.org/10.48010/aa.v10i1i3.590>.
4. Zueva L.I., Muratova M.B. (2023). *Voenno-patrioticheskoe vospitanie molodezhi v uchebnyh uchrezhdenijah i obshhestvennyh organizacijah Respubliki Kazahstan* [Military-patriotic education of youth in educational institutions and public organisations of the Republic of Kazakhstan]. *Zhuasovskie chtenija-27: materialy respublikanskoj nauchno-prakticheskoy konferencii*. Karagandy. Akademiya E.A. Buketova.
5. Karmanova Zh.A., Mazhenova R.B., Sharzadin A.M., Manashova G.N., Dzhabaeva G.N. (2015). *Osnovnye principy formirovanija patriotizma u molodezhi v uslovijah sovremennogo Kazahstana* [Basic principles of forming patriotism among youth in contemporary Kazakhstan]. *Uspеhi sovremennogo estestvoznaniya*. no. 1. ch. 6. pp. 1022-1025.
6. Nurbaev Zh.U., Kijubek Zh.Zh. (2022). *Concepts of historical memory and the*

- politics of memory in the context of social and historical-humanitarian studies (historiographic analysis). *Vestnik Karagandinskogo universiteta. Serija Istorija. Filosofija*. no. 3(107). pp. 152-162.
7. Matthew B. (2019). Discourses of Russian-speaking youth in Nazarbayev's Kazakhstan: Soviet legacies and responses to nation-building. *Central Asian Survey*. <https://doi.org/10.1080/02634937.2019.1615409>.
 8. Laruelle M. (2016). *Which future for national-patriots? The landscape of Kazakh nationalism*. Lanham. Lexington Books.
 9. Zeinesh M., Dosmagambetova J., Aimbetova U. (2023). Revitalization of the national consciousness of youth. *Filosofija, medeniettanu, sajasattanu serijasy*. no. 1(83). pp. 35-45.
 10. Lapin N.S., Tomanova M.S. (2016). Historical consciousness and perception of national history by Kazakhstan youth in the 20th century. *Indian Journal of Science and Technology*. Vol. 9(48). <https://doi.org/10.17485/ijst/2016/v9i47/108366>.
 11. Korovnikova N.A. (2019). Politika pamjati: aksiologicheskij aspekt [Politics of memory: an axiological aspect]. *Dnevnik Altajskoj shkoly politicheskikh issledovanij*. no. 35. pp. 13-17. Barnaul. *Izd-vo Altajskogo universiteta*.
 12. Zheldybaeva A.T. (2019). Politika pamjati i kul'turnyj imidzh Respubliki Kazahstan [Politics of memory and the cultural image of the Republic of Kazakhstan]. *Dnevnik Altajskoj shkoly politicheskikh issledovanij*. no. 35. pp. 108-111. Barnaul. *Izd-vo Altajskogo universiteta*.
 13. Clark A. (2009). *Teaching the nation: politics and pedagogy in Australian history*. Melbourne. Melbourne University Press.
 14. Huijgen T., van Boxtel C., van de Grift W., Holthuis P. (2017). Toward historical reasoning: fostering the understanding of historical time in upper primary students. *Journal of Curriculum Studies*. Vol. 49(3). pp. 381-401.
 15. Biesta G. (2010). *Good education in an age of measurement: ethics, politics, democracy*. Boulder. Paradigm Publishers.
 16. Kulish V.V. (2023). Molodezh' kak sub'ekt funkcionirovanija istoricheskoy pamjati [Youth as a subject of the functioning of historical memory]. *Obshhestvo: sociologija, psihologija, pedagogika*. no. 9. pp. 36-42. <https://doi.org/10.24158/spp.2023.9.4>.
 17. Kulish V.M., Matveeva N.A. (2022). Social'nyj mehanizm funkcionirovanija istoricheskoy pamjati [Social mechanism of the functioning of historical memory]. *Obshhestvo: sociologija, psihologija, pedagogika*. no. 10. pp. 16-23. <https://doi.org/10.24158/spp.2022.10.1>.
 18. Syrov V.N., Beljaeva E.V., Buller A., Linchenko A.A., Vrublevskaja-Toker T.I. (2020). Istorija. Pamjat'. Moral': moral'naja sostavljajushhaja istoricheskoy refleksii i kommemorativnyh praktik istoricheskoy kul'tury [History. Memory. Morality]. Tomsk. *Izdatel'skij dom Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*.
 19. Mohov V.P. (2019). Patriotizm i politika pamjati v uslovijah globalizacii [Patriotism and politics of memory in the context of globalization]. *Tehnologos*. no. 3. pp. 115-128. <https://doi.org/10.15593/perm.kipf/2019.3.09>.
 20. POEM - Participatory Memory Work. (2020). European Training Network. Horizon 2020. Available at: <https://www.poem-horizon.eu> (accessed 18 August 2025).
 21. Kersting N. (2021). Popular memories: commemoration, participatory culture, and democratic citizenship. POEM Horizon Project. Available at: <https://www.poem-horizon.eu> (accessed 18 August 2025).
 22. Liew C.L., Cheetham F. (2016). Participatory culture in memory institutions: of diversity, ethics and trust? *D-Lib Magazine*. Vol. 22. no. 7/8. <https://doi.org/10.1045/july2016-liew>.
 23. Simon N. (2010). *The participatory museum*. Santa Cruz. Museum 2.0. Available at: <https://participatorymuseum.org> (accessed 18 August 2025).

Материал поступил в редакцию 28.08.2025
Утвержден к публикации 18.12.2025